

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА (НА ПРИМЕРЕ ФОРМ СОУЧАСТИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

© 2019 г. С. М. Апенев*, Е. Т. Омиржанов**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алма-Ата

*E-mail: apienov68@mail.ru

**E-mail: yesbol_1981@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.

В статье рассматривается один из показателей эффективности норм уголовного права - юридическая техника уголовного закона. Юридическая техника как понятие структурное устанавливает несколько требований к нормам права, а именно: доступность правового языка, адекватный способ конструирования норм права, юридическая терминология, а также социальная обоснованность норм права. Точное соблюдение этих требований обеспечивало бы полноту и ясность содержания норм уголовного права. В уголовном законе встречаются обобщенные, оценочные, переменные, специализированные понятия, которые не всегда доступны для населения. В этой связи в статье предлагается при реализации законотворческой деятельности по возможности обходить использование понятий, не имеющих особого значения для установления общественной опасности деяния (например, хищения) и для квалификации уголовного правонарушения.

По мнению авторов, применение в законе оценочных понятий приводит к невозможности обеспечения единства мнений сотрудников судебно-следственных органов, в результате чего уголовный закон всегда будет находиться в личной оценке юриста. Тем не менее уголовный закон не может быть полностью лишен технических или специализированных понятий по той причине, что статьи, предусматривающие такие понятия, устанавливают ответственность специальных субъектов. Переменные признаки могут быть допущены лишь по материальным составам уголовных правонарушений, предусматривающих наступление значительного, крупного или особо крупного ущерба. В остальных случаях допустимость переменных признаков означала бы неустойчивость уголовного закона.

Ключевые слова: юридическая техника, язык уголовного закона, организованная группа, транснациональная организованная группа, преступная организация, транснациональная преступная организация, преступное сообщество, транснациональное преступное сообщество.

DOI: 10.31857/S013207690004665-3

Одними из показателей эффективного действия уголовного закона должны признаваться полнота и ясность содержания его статей. Обоснованность и необходимость данных показателей обуславливается тем, что в некоторых статьях Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) встречаются неопределенные признаки. Содержание закона должно быть понятно не только работникам судебно-следственных органов, но и всем гражданам. Если уровень соблюдения населением требований закона в какой-то мере зависит от доступности его содержания, то следует сделать вывод о том, что достаточно понятное содержание закона относится к фактору, сдерживающему граждан от совершения преступления. Наверное, по этой причине в истории правотворчества законы

разрабатывались и издавались на доступном для населения языке.

Действующие уголовные кодексы постсоветских государств включают различные понятия, которые по своему смыслу являются обобщенными, оценочными, переменными, техническими или специализированными. Кроме того, в последние годы наблюдается тенденция активного внедрения криминологических понятий в уголовное законодательство. Подобную законодательную практику можно оценивать как нежелательную, поскольку: во-первых, такая лексика не понятна как обычным гражданам, так и практическим работникам правоохранительных органов; во-вторых, в теории права относительно толкования этих понятий могут встречаться разногласия среди ученых. Например,

в уголовном законодательстве Республики Казахстан употребляется термин «коррупция», который признается более криминологическим, чем уголовно-правовым, и означает на языке уголовного законодательства взяточничество. Кроме того, дефиниция рассматриваемого понятия является предметом обширных дискуссий.

Вопросы ясности и полноты содержания норм права в теории государства и права рассматриваются в рамках понятия «юридическая техника».

На значимость юридической техники в своих работах указывали А.В. Венгеров¹ [1, с. 493], А.Ф. Вишнеvский² [2, с. 201], иные исследователи, которые обращали особое внимание на достижение надлежащего качества юридических актов на основе соблюдения элементов юридической техники.

Понятие «юридическая техника» включает в себя такие элементы, как юридический язык, а также способы конструирования нормы права. Это позволяет указывать в норме права диспозитивные признаки состава преступления, а именно: использовать надлежащую юридическую терминологию, указывать квалифицирующие или особо квалифицирующие составы одного и того же преступления, влияющие на определение наказания и его размер.

Составляющая юридической техники — «юридический язык» — правоведами, например А.В. Венгеровым, определяется следующим образом: «Юридический язык — сформировавшийся на протяжении веков специализированный понятийный аппарат права, используемый для обеспечения точности, однозначности понимания юридических текстов». Далее он подчеркивает, что «юридический язык динамичен, обогащается порой за счет иностранных терминов, как правило, на этапах социальных, экономических реформ»³ [1, с. 494].

Разумеется, в содержании нормы права могут встречаться иностранные элементы в виде новых терминов. Причиной внедрения иностранных элементов служит изучение права зарубежных государств отечественными законодателями при формировании права. Однако не всегда иностранная терминология может быть понятна гражданам. Поэтому внедрение иностранных терминов в отечественное законодательство должно осуществляться как крайняя мера, в остальных же случаях предпочтение стоит отдавать национальному

языку. Например, в Особенной части УК РК встречаются такие международные термины, как «рейдерство», «геноцид», «экоцид», «экстремизм», «акт терроризма» и т.д. Отдельные из них для граждан Казахстана в современных условиях являются вполне доступными для понимания. Однако на момент внедрения в уголовный закон некоторых уголовно значимых терминов иностранного происхождения (например, «рейдерство»), у основной части населения могло отсутствовать правильное представление о сущности этого деяния. В подобных случаях население может получить надлежащее представление о смысле данного преступления путем ознакомления с диспозицией соответствующей статьи, а также из средств массовой информации. Кроме того, население из-за отсутствия достаточных правовых и политических знаний, возможно, не имеет правильного представления о сущности некоторых преступлений. Например, не все знают, чем отличается терроризм от экстремистской деятельности.

В 1997 г. на момент принятия УК РК в его содержании отсутствовало понятие «экстремизм». Внедрение в уголовный закон ряда статей, устанавливающих уголовную ответственность за разные проявления терроризма и экстремизма, является объективной необходимостью, обусловленной Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма», принятой резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г., а также Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.⁴ [3].

Действующий УК РК в п. 39 ст. 3 определяет перечень экстремистских преступлений. Однако ни в гл. 5, предусматривающей ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, ни в ст. 3, предусматривающей разъяснение некоторых понятий, содержащихся в УК РК, не приведено общего понятия экстремизма. Из содержания вышеназванных статей следует, что экстремистская деятельность подразумевает посягательство на легитимность конституционного строя государства, а также на безопасное существование отдельных наций, представителей религии и расы. Отсюда в ст. 3 УК РК целесообразно предусмотреть понятие экстремизма в следующей редакции: «Экстремистская деятельность — это действия, направленные против легитимности конституционного строя государства, осуществляемые путем призыва к насильственному свержению или изменению конституционного строя, а равно путем насильственного захвата или насильственного удержания власти,

¹ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. М., 2011. С. 493.

² См.: Вишнеvский А. Ф. Общая теория государства и права: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. Минск, 2011. С. 201.

³ Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 494.

⁴ См.: Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 29–36.

а также действия, посягающие на суверенитет и территориальную целостность государства».

Спорные уголовно-правовые положения с точки зрения законодательной техники и научной обоснованности присущи и институту соучастия.

Так, ранее действовавший УК РК (1997 г.) с последующими дополнениями ч. 4–1 и 4–2 ст. 31 в качестве самостоятельной формы соучастия в преступлении рассматривал транснациональную организованную преступную группу и транснациональные преступные сообщества. Такой подход казахстанского законодателя оценивается как правомерный в контексте ряда конвенций, принятых в целях повышения эффективности борьбы с организованной преступностью. В числе таких международных актов необходимо назвать Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Палермо 13 декабря 2000 г.), ратифицированную Республикой Казахстан 4 июня 2008 г. Конвенция в ст. 2 дает следующее определение организованной преступной группе: «Организованная преступная группа означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду».

В Конвенции отсутствует понятие «транснациональная организованная группа» как самостоятельная форма соучастия, однако формула «транснациональная организованная преступность» заложена в названии Конвенции. Это правомерно, поскольку нормы международного права, в том числе Конвенции ООН, распространяются на нейтральные зоны, а также на совершенные правонарушения, к которым несколько государств одновременно имеют основания для применения своей юрисдикции. Основаниями применения юрисдикции двух и более государств могут быть: 1) совершение преступления на территории других государств или гражданами иностранного государства; 2) наличие последствий преступления, направленных на интересы другого государства. Следующая особенность международных конвенций заключается в том, что международные документы не распространяются на правонарушения, если место совершения деяния и лицо, его совершившее, а также последствия преступления относятся только к одному государству. На такие правонарушения распространяется действие внутригосударственных законов. Поэтому смысл понятия «транснациональная организованная преступность», используемого в заглавии

вышеназванной Конвенции, означает деятельность организованных преступных групп международного характера. В соответствии с этим уголовная ответственность организатора и участников организованной преступной группы, преступного сообщества, совершивших преступление на территории иностранного государства или по другим основаниям претендующих на применение юрисдикции более одного государства, устанавливается международным договором. Подобное толкование признается и другими учеными. В частности, В.С. Комиссаров и Г.Б. Енсебаева пишут: «Ведущим отличительным признаком транснациональной организованной преступности является специфика деятельности, которая имеет, помимо организованного, транснациональный характер»⁵ [4, с. 118]. Вместе с тем названные авторы не рассматривают понятие «транснациональная организованная преступность» в соотношении с формами соучастия. Остается неясной их позиция относительно признания транснациональной организованной преступной деятельности самостоятельной формой соучастия.

В нормах УК РК закрепляется уголовная ответственность за «создание и руководство транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, а равно участие в них» и «создание и руководство транснациональным преступным сообществом, а равно участие в нем» (ст. 264, 265). Научная обоснованность этих форм соучастия весьма незначительна, поэтому нет необходимости в разграничении признаков организованной группы и транснациональной организованной группы, предусмотренной ч. 3 ст. 31 УК РК, и преступного сообщества и транснационального преступного сообщества, указанного в этой же норме.

Так, если в соответствии с п. 36 ст. 3 УК РК организованная группа определяется как устойчивая группа двух или более лиц, заранее объединившихся с целью совершения одного или нескольких преступлений, то согласно п. 35 этой же статьи транснациональная организованная группа характеризуется как организованная группа, преследующая цель совершения одного или нескольких преступлений на территории двух или более государств либо одного государства при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии граждан другого государства.

⁵ Комиссаров В. С., Енсебаева Г. Б. Совершенствование уголовного законодательства об организованной и транснациональной преступной деятельности (На примере Республики Казахстан, Российской Федерации, Китайской Народной Республики) // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4 (26). С. 118.

Понятие преступного сообщества в п. 23 ст. 3 УК РФ определяется как объединение двух и более преступных организаций, вступивших в сговор для совместного совершения одного или нескольких преступлений, а равно создание условий для самостоятельного совершения одного или нескольких уголовных правонарушений любой из этих преступных организаций.

В п. 33 этой же статьи для транснационального преступного сообщества предусматривается следующее определение: транснациональное преступное сообщество — это объединение двух и более транснациональных преступных организаций.

Анализируя классификацию форм соучастия, можно также обнаружить противоречивое представление законодателя о формах соучастия. Уголовный кодекс РК 1997 г. рассматривал преступную организацию как альтернативное название преступного сообщества (ч. 4 ст. 31, ч. 2 и 4 ст. 235), регламентируя ответственность организатора и членов преступного сообщества. УК РК 2014 г. преступную организацию и транснациональную преступную организацию рассматривает как самостоятельные виды или проявления преступной группы. Для выяснения соотношения организованной группы, преступного сообщества и преступной организации приводим определение преступной организации.

В соответствии с п. 25 ст. 3 УК РК преступная организация — это организованная группа, участники которой распределены по организационно, функционально и (или) территориально обособленным группам (структурным подразделениям). Что касается транснациональной преступной организации, то п. 34 ст. 3 приводит следующее определение: транснациональная преступная организация — преступная организация, преследующая цель совершения одного или нескольких уголовных правонарушений на территории двух или более государств либо одного государства при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии граждан другого государства.

Такие формы соучастия, как транснациональная организованная группа, транснациональная преступная организация и транснациональное преступное сообщество, характеризуются в трех вариантах. Первый вариант: совершение преступления на территории двух или более государств, независимо от гражданства; второй вариант: организация совершения деяния или руководство его исполнением с территории другого государства; третий вариант: совершение деяния на территории одного государства гражданами другого государства. Отметим, что в рамках предлагаемого подхода нельзя рассматривать транснациональную

организованную группу, транснациональную преступную организацию и транснациональное преступное сообщество как самостоятельные формы соучастия, поскольку территория совершения преступления и гражданство виновных не предусматривают способов реализации преступного намерения в виде участия двух или более лиц. Эти понятия при наличии способов реализации преступного замысла в виде совместного совершения преступления представляли бы самостоятельную форму соучастия. Гражданство виновных и территория совершения преступления не должны также влиять на степень общественной опасности деяния. Часть 1 ст. 262 УК РК, регулирующая ответственность за создание организованной группы или преступной организации, предусматривает лишение свободы на срок от 7 до 12 лет, а ч. 1 ст. 264 за то же создание и руководство транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией устанавливает наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет.

С такой дифференциацией уголовной ответственности трудно согласиться, поскольку, во-первых, гражданство виновного и территория совершения преступления (местом совершения преступления является территория иностранного государства или территория Казахстана) в соответствии с общими правилами уголовного права не признаются обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. Во-вторых, ст. 262 УК РК, предусматривая ответственность руководителей организованной группы и преступной организации в одной части статьи, не дифференцирует их ответственность. Аналогичная недифференцированная ответственность наблюдается и в ч. 1 ст. 264 за создание и руководство транснациональной организованной группой и транснациональной преступной организацией. Возникает вопрос: если эти виды преступной группы не имеют различий по степени общественной опасности, то в чем же их особенность? На наш взгляд, п. 36 и 25 УК РК нечетко различают значение организованной группы и преступной организации. Организованная группа представляет собой устойчивую группу заранее объединившихся лиц с целью совершения одного или нескольких преступлений, тогда как преступная организация может быть охарактеризована как деятельность организованной группы, участники которой распределены по организационным, функциональным или структурным признакам, что применимо и к организованной группе. Очевидно, что законодатель преступную организацию рассматривает как нечто среднее между организованной группой и преступным сообществом, где на самом деле нет особых различий. В целом, если учитывать классификацию ряда ученых, исследовавших проблемы соучастия, то можно заключить, что никто из них не

обосновал различия между организованной группой и преступным сообществом. При этом некоторые из них вместо преступного сообщества используют понятие «преступная организация». В-третьих, ст. 262–265 относятся к общим нормам Особенной части Кодекса. Это означает, что эти статьи при квалификации преступления применяются в случаях отсутствия специальных квалифицирующих составов за создание, руководство организованной группой, транснациональной организованной группой, преступной организацией, транснациональной преступной организацией, преступным сообществом и транснациональным преступным сообществом, а равно за участие в деятельности таких преступных групп. Поэтому общие нормы Особенной части уголовного права иногда называют резервными нормами. В-четвертых, в последние годы в преступности наблюдается тенденция приобретения транснационального характера. Это связано с несколькими обстоятельствами. Одно из них — это экономическое развитие государства, т.е. расширение круга субъектов предпринимательства, переход к рыночной экономике, открытие государственной границы для предпринимателей и туризма, что способствует транснациональной преступности. При таких обстоятельствах транснациональный характер приобретает не только деятельность государственных органов и коммерческих организаций, но и преступное поведение отдельных лиц.

В УК РК содержится достаточное количество преступлений, которые являются транснациональными и на этой основе требуют реализации международного сотрудничества по борьбе с ними. Эти преступления по-другому называются преступлениями международного характера, и к их числу можно отнести торговлю людьми, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, контрабанду изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено, экономическую контрабанду, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, акт терроризма и т.д.

Эти преступления в большинстве случаев совершаются не отдельными людьми, а организованной группой или преступным сообществом. В случае отсутствия в уголовном законе ст. 264 и 265 организаторы и остальные члены транснациональной организованной группы и транснационального преступного сообщества за совершение вышеперечисленных преступлений в составе организованной группы или преступного сообщества остались бы вне специальной ответственности. Эти действия вполне соответствуют содержанию ст. 262 и 263 УК РК, предусматривающих ответственность за создание организованной группы и преступного сообщества или за участие в деятельности таких преступных групп. Отмечаем, что в законотворческой

деятельности целесообразно избегать излишеств при формировании норм права.

Для юридического языка уголовного закона характерны технические и специализированные термины, которые применяются в экономической или иной отрасли. Эти понятия или термины являются доступными для специальных субъектов, поэтому они применяются в соответствующих статьях уголовного закона. Например, в гл. 8 УК РК, где предусмотрена уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, в ряде статей встречаются такие понятия, как «утверждение проспекта выпуска эмиссионных ценных бумаг», «эмитент ценных бумаг», «реестр держателей ценных бумаг», «акцизные марки», «учетно-контрольные марки» и т.д.

Безусловно, при конструировании норм права невозможно вообще избежать использования понятий или признаков, сущность которых раскрывается путем систематического или другого вида толкования.

Уголовный закон не может также полностью отказаться от бланкетной диспозиции, где сущность применяемых терминов раскрывается уставами, положениями, инструкциями, действующими в той или иной отрасли деятельности. Соответственно, нормы уголовного права, содержащие бланкетную диспозицию, считаются приемлемыми лишь для определенного круга лиц, имеющих специальные профессиональные знания или несущих служебные обязанности. Например, преступление, предусмотренное ст. 345 УК РК (нарушение правил дорожного движения или эксплуатация транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами), распространяется на лиц, управляющих транспортным средством, и УК РК возлагает на них специальные и профессиональные обязанности. Такой способ формулирования статьи уголовного закона признается традиционным и вполне допустимым. Поэтому при таком способе изложения норм права мы не сталкиваемся с нарушением законодательной техники, а тем более с нарушением юридического языка.

Оценочные понятия уголовного закона не всегда также доступны для населения. В содержании уголовного закона оценочные понятия встречаются довольно часто. Суть оценочных признаков составов преступления заключается в том, что степень общественной опасности совершенного деяния и наступившего результата, а, соответственно, преступность деяния из-за отсутствия в самом законе ясного определения этого признака судебно-следственными работниками оцениваются по своему внутреннему убеждению. В уголовном законе приводятся оценочные признаки, например в ст. 361, 362 и 450, где предусмотрена ответственность за злоупотребление

должностными полномочиями и превышение власти или должностных полномочий в виде «существенных нарушений прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». В ст. 293 УК РК, устанавливающей ответственность за хулиганство, оценочный признак демонстрируется в формулировках: «особо дерзкое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу», «исключительный цинизм». Оценочный признак встречается также в выражении «в неприличной форме» при оскорблении (ст. 131), «в развратном действии» при развращении малолетних (ст. 124), «в жестоком» обращении с животными (ст. 316), в хищении предметов, имеющих «особую ценность» (ст. 193), и т.д.

«Существование в законодательстве оценочных понятий объясняется тем, что они дают возможность учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела, которые обладают многообразным содержанием и в конкретном своем проявлении выступают в различной форме. В силу этого указанные обстоятельства не всегда возможно отразить и закрепить в законе или подзаконном акте»⁶ [5, с. 63, 6, с. 117]. Можно согласиться с таким высказыванием ученых о причине существования оценочных понятий в уголовном законе. А если говорить точнее, то здесь мы сталкиваемся со степенями общественно опасного деяния, минимальная степень которого относилась бы к административному правонарушению или дисциплинарному проступку, а максимальная — к преступлению. Учитывая также размер преступного последствия, можно отметить, что в некоторых случаях последствия преступления, тоже являясь оценочными, выражаются в определенном диапазоне, в результате чего, по оценке потерпевшего и правоприменителя, на минимальном уровне не признаются преступлением.

По оценочным признакам составов преступления уголовный закон подвергается личной оценке юриста, поскольку в таком случае все зависит не от уголовного закона, а от уровня правосознания правоприменителя. Нежелательность или отрицательная сторона оценочных понятий заключается в невозможности обеспечения единства мнений сотрудников судебно-следственных органов, в результате чего уголовный закон всегда будет толковаться в соответствии с личной оценкой юриста. Однако уголовный закон от этих признаков полностью отказаться не может, поэтому остается лишь предложить судебно-следственным органам отражать свои обоснования относительно оценочных понятий в процессуальных документах

⁶ Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 63; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 117.

при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

В заключение отметим, что уголовный закон является динамичным нормативным правовым актом по охране интересов общества и государства, и язык уголовного закона, будучи его элементом, также является средством, обогащаемым за счет развития техники, общественной жизни, внедрения иностранных терминов, особенно на этапах реализации социальных и экономических реформ. Ясность и правильное строение уголовного закона часто зависят от соблюдения законодательной техники. Поэтому в целях обеспечения эффективности норм уголовного права законодателю стоит воздержаться от использования непонятных терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 63.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. М., 2011. С. 493, 494.
3. Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. Минск, 2011. С. 201.
4. Комиссаров В. С., Енсебаева Г. Б. Совершенствование уголовного законодательства об организованной и транснациональной преступной деятельности (На примере Республики Казахстан, Российской Федерации, Китайской Народной Республики) // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4 (26). С. 118.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 117.

REFERENCES

1. Brajnin Ya. M. Ugolovnyj zakon i ego primenenie. M., 1967. S. 63.
2. Vengerov A. B. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. M., 2011. S. 493, 494.
3. Vishnevskij A. F. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij. 5-e izd., ispr. i dop. Minsk, 2011. S. 201.
4. Komissarov V. S., Ensebaeva G. B. Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva ob organizovannoj i transnacional'noj prestupnoj deyatel'nosti (Na primere Respubliki Kazahstan, Rossijskoj Federacii, Kitajskoj Narodnoj Respubliki) // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gos. un-ta ekonomiki i prava. 2013. № 4 (26). S. 118.
5. Kudryavcev V. N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. M., 2001. S. 117.

LEGAL TECHNIQUE OF CRIMINAL LAW (ON THE EXAMPLE OF FORMS OF COMPLICITY UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

© 2019 S. M. Apienov*, Ye. T. Omirzhanov**

Al-Farabi Kazakh National University, Alma-Ata

*E-mail: apienov68@mail.ru

**E-mail: yesbol_1981@mail.ru

Received 20.04.2018

In the present article one of indicators of efficiency of standards of the criminal legislation – legal equipment of criminal law is considered. The legal equipment as concept structural, establishes some requirements to rules of law, namely: availability of legal language, adequate way of designing of rules of law, legal language, and also social validity of rules of law. Exact observance of these requirements would provide completeness and clarity of the content of norms of criminal law. The generalized, estimated, variable, specialized concepts which aren't always available to the population occur in the criminal law. In this regard in article it is offered to bypass whenever possible at realization of legislative activity use of the concepts which don't have special value for establishment of public danger of act (for example, plunders) and for qualification of a criminal offense.

According to the authors, application in the law of estimated concepts leads to impossibility of ensuring unity of opinions of staff of judicial investigating authorities therefore the criminal law will always be in a personal assessment of the lawyer. Nevertheless, the criminal law can't be completely deprived of technical or specialized concepts for the reason that articles providing such concepts establish responsibility of special subjects. Variable signs can be allowed only on material structures of the criminal offenses providing occurrence of considerable large or especially large damage. In other cases the admissibility of variable signs would mean instability of the criminal law.

Key words: legal equipment, language of the criminal law, organized group, transnational organized group, criminal organization, transnational criminal organization, criminal community, transnational criminal community.

Сведения об авторе

АПЕНОВ Серик Мейрамович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алма-Ата

ОМИРЖАНОВ Есбол Токтарбаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алма-Ата

Authors' information

APIENOV Serik M. – PhD in Law, associate Professor of International Law Department al-Farabi Kazakh National University, Alma-Ata

OMIRZHANOV Yesbol T. – PhD in Law, associate Professor of International Law Department al-Farabi Kazakh National University, Alma-Ata